

«Многие люди читают стихи,— это, конечно, так. Еще в школе им внушали, что поэзия — это мир прекрасного, стало быть, уважай его. Но находятся и такие, что стихов не читают,— зачем? — ведь на свете столько практичных вещей!.. ну, и искусство, тоже, конечно!.. Кино, телевизор... и в театр можно заскочить... А идти в магазин и покупать сборники поэзии... гм... тут должна быть натура».

У меня такая натура! Родилась во мне, когда товарищ до школьной парты Лебер начал декламировать Незвала. А я, не желая выглядеть идиотом, кивал ему в такт головой.

Потом и сам начал писать. Но человечеству до моих стихов не было никакого дела. И тут мне пришлось в голову... Будь я теоретиком, то сказал бы так: нужно искать новые источники поэзии. Поэзии, которая бы вместе с женщиной стояла в очереди в магазин, которая бы после работы вместе с уставшим рабочим прилегла бы на диван, которая бы вошла в жаргон мальчишек и девчонок: И я начал находить эти источники. У Стейнберга, у Чаплина, у Моргенстерна, у комиков мюзик-холла, у Маяковского, у молодежи.

У молодежи научился я многому. Страшно мне импонирует то, что молодежь скрывает свои чувства. И тут меня осенило,— если я пишу о чувстве, так в определенный момент надо связать по поводу того, что я пишу о чувстве,— такую лирику молодежь примет. Молодые понимают красоту своей молодости, но никогда не поймут «Оду на красоту своей молодости».

Всё, что происходит в «Семафоре», направлено против фальши в человеческих взаимоотношениях. В середине спектакля «Иона и мюзик-холл» Сухий как-то уж очень запросто выпадает из спектакля, выходит на самую рампу и словно между прочим, но и доверительно в то же время, говорит своему зрителю: «Да! Иона был тот самый пророк, которого проглотил кит. Целых три дня понадобилось киту, чтоб до него дошло, что Иона не пицца, а всего-навсего пассажир. Более безнадежной ситуации представить себе не могу. К счастью, кончилось все благополучно. Так что, если вас когда-нибудь проглотит огромная рыба, не теряйте надежду. Погому что, если ее потеряете, а кто-нибудь другой найдет, будьте уверены, обратно ее вам не отдаст».

Б. НИКОЛЬСКИЙ.

ЧИТАТЕЛИ «НЕДЕЛИ» наверняка хоть раз слышали по радио песни чешских артистов Йиржи Сухого и Йиржи Шлитра. Они артисты и создатели популярного в Чехословакии театра «Семафор». Это театр острого куплета, поэтического слова, смешного диалога, остроумной музыки и живейшего контакта со зрителем, я бы даже сказал, шумного контакта. Ведь в «Семафоре» ходит молодежь. Это ее дом.

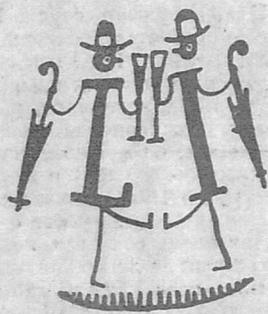
Уже шесть лет существует «Семафор», а попасть на его спектакли все еще сложно. Поэт и певец Сухий и композитор Шлитр сочинили десятки песен. Их распевает вся страна. Они вошли в быт и стали чем-то вроде необходимого ежедневного умывания или обеда. А чехи с нетерпением ждут все новых и новых песен, хотя знают, что в новых песнях они встретятся с вещами старыми и уже знакомыми.

А начался этот театр совсем не с театра.

Лет восемь назад на крохотной площадке пражского ресторана «Редута» начали выступать мало кому известные музыканты, певцы, чтецы. Вскоре только и было разговору, что о новых эстрадных выступлениях в «Редуте». Зрительные залы других эстрадных пред-

СЕ МА ФОР.

МУЗЫ
НАШИХ
ДРУЗЕЙ

приятный катастрофически пустели. В «Редуте» невозможно было пробиться. Новая пражская эстрада победила потому, что была не совсем эстрадой. Песни Сухого и Шлитра — это не только песни, но еще и монологи, лирические и смешные, добрые и язвительные одновременно. Сухий уничтожает традиционный эстрадный жанр еще и тем, что во время исполнения он иронизирует над собой.

И вот, в 1959 году открывается «Семафор». Публика буквально набрасывается на его спектакли, как на давно ожидаемое. Спектакль «Семафора» — это всегда десятка полтора разнообразных песен с диалогами и сценами между ними. Иногда все это связано прочным сюжетом, иногда это связано на живую нитку, как, например, в лучшем их спектакле «Иона и мюзик-холл». Впрочем... тоже, конечно, связано, и, может, даже прочнее, чем самым прочным сюжетом. Связано направленностью, легкой — как бы между прочим — манерой подачи текста и песни. Связано удивительным умением Йиржи Сухого дружески небрежно общаться со своим молодым зрителем и, не заигрывая с ним, на его же языке, говорить о вещах важных и серьезных. Текст при этом, конечно, идет смешной. Сухий говорит, что через каждые 15 секунд зрители должны хвататься за животик, если за животики зрители схватятся только на шестнадцатой секунде,— это уже трагедия. Восторг, упоение и шум зрителей описать невозможно, при этом надо присутствовать или, в крайнем случае, смотреть фотографии. Радостная атмосфера взаимного доверия зрителя и артиста — вот, пожалуй, самое замечательное качество этого поэтического театра.

ЮМОР. ПОЭЗИЯ

Едва не забыл о Чаплине. Чаплин удивляет меня поразительной универсальностью. Человечка примитивного Чаплин покупает своими шутками. Образованный зритель увидит за ними вещи серьезные. Интеллектуал оценит тонкие нюансы чаплиновского мастерства, а человек чуткий скажет, что Чаплин — гений. Чаплин изящно балансирует над пропастью халтуры. Сентиментальную сцену в самый последний момент он, словно пинком, обязательно напощадит обдуманной шуткой. Мы привыкли к тому, что чаплиновские сюжеты банальны. Слепая продавщица лечится на деньги бедного бродяги... простите меня, но это... А фильм «Огни большого города» получается гениальным.

Новую поэзию можно находить в местах самых неожиданных. Или же, наоборот,— в самых обычных местах, с той лишь разницей, что к этим обычным местам надо подходить с самой неожиданной стороны.

Ну, ну... что-то сегодня я расписался, хотя в конце концов читать эту статью совсем не обязательно, так что совесть моя будет спокойна.

Как вы понимаете, это были мысли вслух Йиржи Сухого.

